

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800029100-6

Обозначения мужа: классификация моделей номинации (на базе лингвосемантического поля Евразии)

© 2023 г. М. А. Живлов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6,
старший научный сотрудник Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 105006, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3
zhivlov@yandex.ru

© 2023 г. Т. А. Михайлова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
tamih.msu@mail.ru

© 2023 г. М. В. Орлова

Младший научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
mriaorlova@gmail.com

© 2023 г. А. А. Смирнитская

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
nyushas@gmail.com

Резюме. Статья представляет собой первый раздел коллективного исследования, посвященного выявлению базовых моделей номинации “мужа, супруга”. Исследование проводится с опорой на текстовые и словарные данные, а также на данные баз семантических переходов (CLICS и DatSemShift). В работе анализируются синонимические ряды обозначений мужа в разных языковых стратах и делается вывод о необычном изобилии “параллельных” обозначений (контрастирующем с другими терминами родства и свойства). Материалом для исследования послужили в основном языки Европы (как индоевропейские, так и входящие в другие языковые семьи), а также – уральские и дравидийские языки, с привлечением иного лингвистического материала как сопоставительного. Проведен сопоставительный анализ соответствующих семантических переходов в указанных базах данных, приведены графы колексификации. В ходе работы выявлены и описаны общие тенденции номинации “мужа”, отчасти базирующиеся на особенностях архаического брачного права и отсутствии зеркальности и равноправия между “мужем” и “женой”, что отражено и в соответствующих моделях номинации. В основе наиболее распространенной в языках мира (и, вероятно, наиболее архаической) модели номинации мужа М-1 (муж как мой мужчина, мой человек) лежит имплицитное представление об ЭГО, которым является жена как предположительно изначальный субъект номинации. В рамках другой модели

(М-2) обозначение “мужа” согласно стратегии номинации, напротив, не опирается на ЭГО, но скорее предстает как соционим. Внутри модели выделяются 4 подгруппы (муж как женатый человек; муж как “выдающийся член социума” (усл.); муж как старик; муж как хозяин). Также выделена модель М-3, предполагающая парность номинации (супруги, муж как друг, партнёр, спутник и проч.). В ходе дальнейшей работы предстоит составление карт ареальной дистрибуции моделей по территории Евразии и выделение преферентных для каждой модели зон.

Благодарность. Работа поддержана грантом РНФ № 22-28-00072 “Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии”.

Ключевые слова: термины родства и свойства, индоевропейские языки, дравидийские языки, алтайские языки, семантические переходы, база данных DatSemShift.

Для цитирования: Живлов М.А., Михайлова Т.А., Орлова М.В., Смирнитская А.А. Обозначения мужа: классификация моделей номинации (на базе лингвосемантического поля Евразии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 5–15. DOI: 10.31857/S160578800029100-6

“Husband” Designations: A Classification of Nomination Models (In the Linguo-Semantic Field of Eurasia)

© 2023 Mikhail A. Zhivlov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Russian State University for Humanities,
6 Miusskaja square, Moscow, 125047, Russia,
Senior Researcher at the Higher School of Economics,
3 bld. 21/4 Staraja Basmannaya Str., Moscow, 105006, Russia
zhivlov@yandex.ru

© 2023 Tatyana A. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

© 2023 Mariia V. Orlova

Junior Researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
mriaorlova@gmail.com

© 2023 Anna A. Smirnitckaya

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia
nyushas@gmail.com

Abstract. The present article offers the first section of a collective study devoted to identifying the basic models of designating the notion of “husband, spouse”. The study is based on textual and lexicographical data, as well as that stored in databases of semantic shifts (CLICS and DatSemShift). The paper analyzes synonymous denominations of “husband” in different language strata and concludes that there is an unusual abundance of “parallel” designations (in contrast with other terms of kinship). The empirical data comes mainly from languages of Europe (both Indo-European and belonging to other language families), as well as

from Uralic and Dravidian languages, including also other linguistic material with additional comparative value. A comparative analysis of the corresponding semantic shifts in the aforementioned databases has provided the article with colexification graphs. In the course of research, general models of the nomination of “husband” were identified and described, partly based on the specifics of archaic marriage law, namely the unequal status of “husband” and “wife”, which is also reflected in some of the nomination models.

The most common (and presumably the most archaic) of these models, M-1 (husband as my man, my human), is based on the implicit idea of EGO, in this case, the wife as the supposedly initial subject of nomination. Further, another model was identified in which the “husband”, according to the nomination strategy, does not rely on EGO, but rather appears as a socionim (M-2). Within this model, 4 subgroups are distinguished (husband as a married person; husband as an outstanding member of society; husband as an old man; husband as a master, landowner). Another model (M-3) implies paired husband-wife nominations (spouses, husband as a friend, a partner, companion etc.). In the course of research, it is planned to create maps of the areal distribution of these models throughout Eurasia and to identify preferential zones for each of them.

Acknowledgements. The work was supported by the RPF grant No. 22-28-00072 “Nomination strategies in the field of basic zoo- and anthroponymic vocabulary in the languages of Eurasia”.

Key words: kinship terminology, Indo-European Languages, Dravidic Languages, Altaic Languages, semantic shifts, DatSemShift database.

For citation: Zhivlov, M.A., Mikhailova, T.A., Orlova, M.V., Smirnitskaya, A.A. *Oboznacheniya muzha: klassifikaciya modelej nominacii (na baze lingvosemanticheskogo polya Evrazii)* [“Husband” Designations: A Classification of Nomination Models (In the Linguo-Semantic Field of Eurasia)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800029100-6

Вводные замечания

Одним из парадоксов семантической реконструкции является отсутствие восстанавливаемых на индоевропейском уровне (а также, добавим, и на протодравидийском и протоуральском) таких важных понятий, как “муж”, “жена” и собственно — “брак”. Это отмечал еще Э. Бенвенист, ссылаясь на Аристотеля, писавшего, что “союз мужчины и женщины не имеет названия” (цит. по [1, с. 164]). Однако Аристотель, как мы понимаем, обращался к данным языковой, социальной и культурной синхронии, демонстрирующей буквально на уровне каждого среза сложность детерминации “союза мужчины и женщины” (брак при полигамии и брак при моногамии, временный, но узаконенный союз, брак церковный — брак гражданский и проч.). Обращение же к диахронии в данном случае должно было бы, как всегда, дать более обобщенные результаты и позволить реконструировать некое понятие, кодирующее тем или иным образом (постоянно или временно) узаконенный союз между мужчиной и женщиной, экстенционал которого действительно мог постоянно меняться. Однако этого не происходит и, как пишет Бенвенист, “понятие ‘брак’ не имеет специального индоевропейского обозначения” [Там же]. Аналогичным образом не реконструируются на и.-е. уровне сами понятия “жены” и “мужа”. “Для понятия *муж* индоевропейские языки не выделяют специального индоевропейского термина (point to no specific IE

term)”, — пишет О. Семереньи [2, с. 73], предполагая, что данного термина на архаическом уровне и не существовало, притом что сам институт брака он, как и все остальные, считает достаточно ранним. Парадоксальность данного феномена состоит еще и в том, что более “периферийные” термины свойства (*золовка*, *свекровь*, *деверь* и проч.) поддаются достаточно надежной реконструкции и оказываются относительно стойкими, постепенно уступая место аналитическим формациям, для европейской культуры — лишь начиная с Нового времени (см. в данной связи [3]).

Таким образом, на глубинном языковом и культурном уровне, как может показаться, женщина А, находящаяся в неких особых отношениях с мужчиной Б, который имеет брата В, могла обозначить В словом *деверь* (**daigwēr*), тогда как для самого Б в ее лексиконе понятия не существовало. Видимо, это все же не совсем так.

Отсутствие единой реконструируемой лексемы для понятия, безусловно, имеющего относительную древность, объясняется иногда тем, что он, как и обозначения “жены”, как и “брака” в целом, в силу законов семантической эволюции находился в постоянной динамике, во многом зависящей от “динамики развития брачных институтов” [4, с. 453]. Данная интерпретация не представляется исчерпывающей, по крайней мере — единственной. Представляется, что причина отсутствия единой лексемы для обозначений “жены”

и “мужа” даже в рамках одной лингвистической микросемьи лежит также в обильной синонимике обозначений соответствующих понятий. Так, на уровне синхронном в современном русском языке даже в рамках идиолекта одного носителя могут сосуществовать, дистрибуируясь по стратам, несколько обозначений понятия *муж*: *муж* — как нейтральное, *супруг* — как слово официальной речи, употребляемое в делопроизводстве и проч., и, например, *хозяин* — как псевдо-диалектное, употребляемое как своего рода эвфемизм, возможно, призванный усилить интимизацию речи (лексема употребляется только “в своем кругу, среди родных”). Более того, для обозначения того же денотата женщина может употреблять лексемы *отец* или *дед*, сдвигая фокус эмпатии на детей и внуков, а также — просто пользуясь конкретным именем собственным, конситуативно понятным собеседнику.

Ср., например: “При рождении ребенка часто вся система семейных взаимоназваний перестраивается по отношению к нему (муж и жена начинают называть друг друга мама и папа, своих родителей бабушкой и дедушкой, причем не только в присутствии ребенка, но и в разговорах между собой)” [5, с. 43], а также: “Чаще всего жена называет своего мужа по детям — так же, как дети, т.е. зовет его *отец* (*батя, тятя, папа и т.д.*)” [6, с. 161].

Сказанное относится и к речи о третьем лице, и к вокативам, однако — не всегда. Как отмечает И.Б. Качинская на материале записей архангельских говоров, “в деревне мужа до сих пор не принято называть по имени”; “жена, говоря о муже, может называть его *муж, мужик, супруг, большак, хозяин, сам, мой, свой* и др., но в вокативной функции в отношении к мужу эти термины не употребимы” [7, с. 217]. Ср. также многочисленные перифрастические употребления в разговорном русском языке: *мой, законный, мужик, благоверный* и проч., употребляемые, как правило, лишь в речи Эго, но не в вокативной функции. Аналогичным образом могут употребляться и обозначения *жена, супруга и хозяйка* при перифрастических — *благоверная, законная, мать, старуха, баба, спутница, моя мадам* и проч. Данный феномен присутствует практически в каждом языке.

Так, например, словарь синонимов французского языка к слову *marî* дает — *personne, conjoint, époux*¹, *homme*, чем, конечно, список далеко не исчерпывается. Английские онлайн-словари дают гораздо больше результатов: *mate, consort, companion, friend, spouse, old man, benedict, partner, beau,*

*better half*² etc. Ср. в немецком к *Mann*: *Kerl, Ehegatte* (> *Gatte*), *Gemmahl, Kopf*.

Обратимся к более экзотическому материалу. Например, в дравидийском языке телугу значение **husband** выражается лексемами³: *bharta* ‘муж’, ‘господин’ (от санскр. *bhr* ‘нести, поддерживать’)⁴; *oḍayaḍu* ‘царь’, ‘правитель’, ‘господин’, ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘муж’; *kāntuḍu* ‘царь’, ‘господин’, ‘муж’, ‘возлюбленный’; *cheluvuḍu* ‘муж’, ‘красивый человек’, ‘друг’, ‘любовник’; *pati*, из санскр. ‘муж’; *dayiluḍu* ‘любовник’, ‘муж’ (от санскр. *daya* ‘любовь’, ‘привязанность’, ‘нежность’, ‘наслаждение’); *dhavuḍu* ‘владелец’, ‘хозяин’, ‘муж’, ‘царь’; *nādhūḍu* ‘царь’, ‘муж’; *pari-ṇēta* ‘муж’; *purushuḍu* санскр. ‘человек’, ‘муж’; *prāṇa-nādhūḍu* ‘властитель жизни, т.е. муж или возлюбленный’; *priyuḍu* ‘любовник’, ‘муж’, ‘друг’ (ср. *priyami* ‘дорогой’, ‘любимый’); *magavāḍu* ‘муж’ (от корня *maga* ‘мужской’, варианты *moga-vāḍu* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘муж’; *moguḍu* ‘муж’); *ujamānuḍu* ‘муж’, ‘хозяин’, ‘собственник’, ‘господин’, ‘тот, кто приносит жертву’; *ramanuḍu* ‘красивый человек’, ‘муж’ (от корня *ramaṇa* ‘красота’, ‘любовь’); *rēḍu* санскр. ‘царь’, ‘господин’, ‘муж’; *vallabhūḍu* ‘любовник’, ‘муж’, ‘друг’; *sāmi, svāmi* ‘господин’, ‘царь’, ‘муж’, ‘собственник’ (ср. *svāmi* ‘царь’). Многие из таких перифрастических наименований заимствованы из санскрита и, очевидно, более свойственны “высокому”, литературному языку, в котором традиционно прослеживается влияние санскритской культуры. Дравидийским языкам в целом свойственно иметь синонимический ряд с параллельными исконно дравидийскими и индоарийскими синонимами. Ср., например, основные термины для “мужа” в тамильском языке — дравидийское *kaṇavaṇ* и заимствованное из санскрита *puruṣaṇ*, соответственно.

В языке каннада, для выражения значения “муж” также используются санскритские заимствования: *puruṣa* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘муж’, ‘Высшее существо, Бог’, ‘душа, первоисточник вселенной’; *īśvara* ‘господин, хозяин’, ‘царь’, ‘муж’, ‘Вселенная Душа’, ‘Шива’, ‘Шивалингам’; *kāṃta* (adj) ‘возлюбленный, дорогой’, ‘красивый, привлекательный’, ‘любовник’, ‘муж’; *d^hava* ‘мужчина’, ‘муж’, ‘владелец, господин’; *nātha* ‘владелец, покровитель, правитель’, ‘муж’; *ujamāna* ‘тот, кто производит жертвоприношение’, ‘господин, хозяин’, ‘муж’, ‘владелец’, ‘вождь или глава семьи,

² Ср. русск. *лучшая половина*, употребляющееся только по отношению к *жене*.

³ Источники: [9]; [10].

⁴ Санскритское происхождение приводится по [11, с. 764].

¹ [8] (дата обращения 16.08.2023).

группы'; *ramaṇa* 'муж', 'возлюбленный'; *vallab^ha* 'возлюбленный', 'любовник, муж', 'владелец'; *sahacara* 'сопровождающий', 'компаньон', 'муж' и др.

Вернемся к нем. *Kerl*, которое имеет английские параллели. Совр. англ. *husband* (др.англ. *hūsbōnda*) является скандинавизмом, аналогичные функции в более ранний период исполняло др.англ. *ceorl*, у которого в качестве второго значения дается — *a man, husband* [12, с. 151], а первого — 'свободный человек низшего класса, крестьянин; плебей, мужик'. Ср. др.англ.: *Dū hæfdest fīf ceorlas* — "Ибо было у тебя пять мужей" (Иоанн, 4, 18). Этимологически *ceorl* восходит к и.е. основе **ġer(ə)* 'созревать, расти; стареть' (см. [13, с. 391]; [14, с. 210], ср. также др.в.нем. *karl* 'муж' при совр. нем. *kerl* 'старик, муж' [15, с. 364]). То есть в данном случае реализуются параллельно два семантических перехода: "взрослый мужчина, старик" → "крестьянин" и "взрослый мужчина" → "супруг". По мере распространения в языке скандинавизма *hūsbōndi* исконная лексема со стартовой семантикой "старик" ("созревший / взрослый человек, старик") ограничила сферу употребления, и совр. англ. *churl* имеет уже лишь значение 'мужик, плебей'. Аналогичным образом общегерманское **karlaz/*kerlaz* было вытеснено в немецком нейтральным *Mann* 'человек, мужчина, муж'. В современных северогерманских языках, однако, слово *karl* по-прежнему способно выражать значение 'муж' — ср. исл. *karl* 'мужчина; муж', шв. *karl* 'мужчина (менее нейтральное, чем *man*, с выраженными коннотациями мужественности, грубой силы и т.д.); муж'. Слово *karl* в обоих значениях стилистически маркировано и менее употребительно, чем когнаты нем. *Mann*: ср. норв. *mann* (см. также более книжное *ektemann*, досл. 'подлинный / законный муж'), дат. *mand* и *ægtemand*, шв. *man* и *ähta man*, исл. *maður*.

Причина того, что понятие "муж" (как и "жена") постоянно расширяет и обновляет синонимику обозначений, подобно "деньгам", "смерти", "воровству" или "половому акту", как и другим понятиям, склонным к табуированию лексических областей, в настоящее время не находится в зоне нашего обсуждения и скорее относится к области психолингвистики. Констатируем лишь сам факт обилия перифрастических описаний денотата.

На уровне диахронии мы можем найти множество примеров того, как подобные перифрастические описания переходят в нормированное употребление, реализуя достаточно ограниченное число семантических моделей, реконструируемых

на генетически не тождественном материале и даже в неродственных языках: мужчина-человек, мужчина-самец (см. [16, с. 89]), мужчина-товарищ, законный друг, возлюбленный и проч. (см. также сопоставительный материал в [17]). Так, например, русск. перифрастич. *законная* — *законный* соответствуют базовым обозначениям жены и мужа в польском: *malżena* 'жена' (букв. "законная женщина"), откуда вторичное — *malżen* 'муж'.

Число моделей, действительно, не так велико, и выделение данных "семантем" и их типологическая классификация рассматривается как основная задача нашего исследования. Но уже сейчас ясно одно: понятие "муж" не может являться семантическим примитивом, и возникший относительно рано денотат в силу синонимической динамики требовал экстенционального воплощения на базе уже существующих в языке лексем с близкой семантикой. Аналогичным образом, например, термины родства (и свойства) в свою очередь часто выступают как вторичные по отношению к уже существующим в социуме и языке терминам, отражающим изначально половозрастную классификацию (см. об этом, например, [18]; [19]).

Кроме того, как также отмечал Бенвенист, для архаической культуры понятия брака и, соответственно, обозначения жены и мужа не были зеркальны и несомненно выдавали андроцентричный характер кодируемой языком картины мира. Иными словами, "изучение словаря родственных отношений в индоевропейских языках показало, что положение мужчины и женщины, состоящих в браке, очень различалось" [1, с. 164]. Как показывает он далее на примере латинской терминологии "брака", для мужчины официальным эквивалентом 'жениться' было — *ih-orem ducere* 'вести жену'⁵, тогда как для женщины — *ire in matrimonium* 'идти в материнство', то есть не только положение мужчины осмыслялось как главенствующее ("ведущий"), но и подчеркивалось, что вступление в брак для женщины в первую очередь означает — стать матерью. Тот факт, что реконструируемый и.-е. язык обнажает свою маскулинную ориентацию, отмечали также Меллори и Адамс, указывая, что наиболее четко реконструируемой и.-е. основой, обозначающей брак (**ġemh-*), является брак с мужской точки зрения [20, с. 369]. Как верно отмечает и Д. Рид,

⁵ Интересно, что в других и.-е. языках в брачной терминологии также употребляется глагол с аналогичной семантикой — **wed-* 'вести' (примеры см. там же у Бенвениста), то есть осуществляется тот же семантический переход *вести* → *брать замуж*. Ср. также показательная в данном контексте семантика русск. *брать* → *брак*.

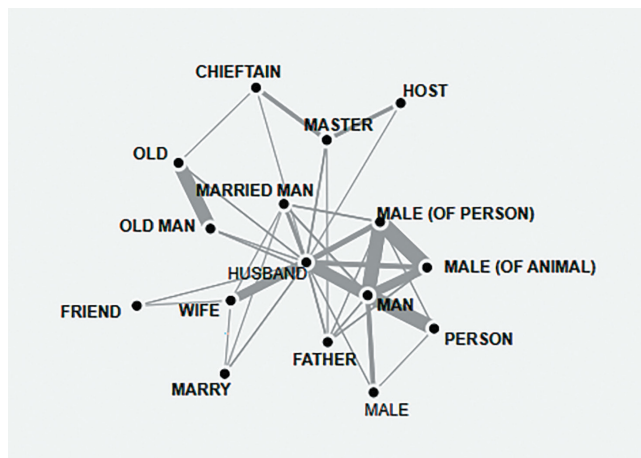
тот факт, что в традиционной культуре, выходя замуж, женщина берет себе имя мужа, является отчасти препятствием для создания стройных схем родства (см. [21]).

Мы полагаем, что отсутствие реконструируемого понятия “муж” (при отчасти более выраженном и шире засвидетельствованном пучке архаических синонимов, обозначающих жену) объясняется, возможно, не только широко известной “патриархальностью” раннего общества, но и тем простым фактом, что вступление в брак для женщины имело гораздо большее значение, чем для мужчины, и часто полностью меняло ее социальный статус. Сказанное относится вовсе не к некоему архаическому прошлому, даже в современных языках, как правило, употребляются три формы для обращения, говоря условно — *мистер*, *миссис* и *мисс*, что демонстрирует кодируемую языком оппозицию девица — дама (но не юноша — женатый человек)⁶. Все это кажется очевидным, однако при реконструкции обозначений *мужа* и фиксации происходящих при этом семантических переходов необходимо понимать, какая же именно “семантема” стоит за каждой из анализируемых лексем: “муж по отношению к Эго”, “муж по отношению к некой женщине” или просто — “женатый мужчина” с точки зрения социальной. Аналогичным образом, например, лексемы *дети* как “не достигшие совершеннолетия особи” и *дети* “по отношению к родителям”, в плане выражения совпадающие в русском, как и во многих других языках, в ново-ирландском образовали оппозицию: в первом значении — *páiste* (из старофранц. *page* ‘слуга’), во втором — *clann* (раннее лат. заимств. < *planta* ‘поросль, потомство’), на более ранней стадии развития языка еще не фиксируемую.

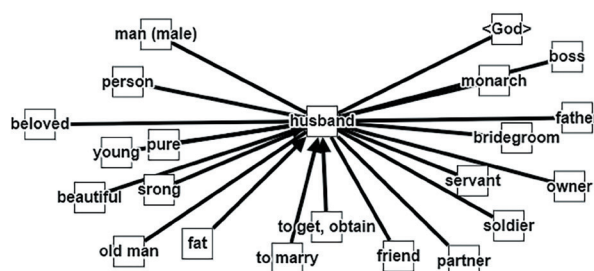
Отсутствие реконструируемого обозначения мужа приводит к расширению семантики лексем-доноров и возникновению соответствующей колексификации, а также — установлению семантической смежности, реализуемой в разных языках на базе ограниченного числа понятий. Обратимся к данным баз семантических переходов. Ср. из базы семантических переходов — CLICS⁷.

⁶ Характерно, однако, что в современном французском языке наблюдается постепенный переход от “морально устаревшей” тернарной системы к бинарной: *monsieur* vs. *madame* и использование отдельного слова для обозначения незамужней женщины — *mademoiselle* — уходит в прошлое в связи со стремлением отразить в языке представление о равенстве полов. Более того, в современном английском, особенно в США, распространяется обращение *Ms* [mi:z], в котором стираются также и гендерные различия.

⁷ [22] (дата обращения 30.07.2023).

Отечественная база семантических переходов DatSemShift⁸ дает близкий по своей структуре граф, отличия в котором, возможно, вызваны некоторой нетождественностью ярлыков:

Анализ исходной семантики лексем, на базе которых развилось обозначение “мужа, супруга”, как нам представляется, дает возможность их классификации с учетом фокуса эмпатии говорящего: направлен ли он на ЭГО или — на оценку социального положения лица, квалифицируемого как “муж”. Иными словами, мужем может называться главный мужчина для женщины (ЭГО), но также взрослый человек, достигший определенного социального статуса и занимающий в семье и обществе определенное положение (условно — *pater familias*). На самом деле, как мы увидим, ситуация несколько сложнее, и можно найти как неожиданные обозначения мужа, так и случаи, когда провести грань между группами лексем не всегда возможно. Однако общие тенденции

⁸ [23] (дата обращения 30.07.2023).

в данном случае представляются несомненными⁹. Анализ преферентных обозначений в рамках социума или этноса представляет собой особый интерес как иллюстрация специфики локального менталитета. Ряд обозначений может быть интерпретирован только при условии понимания отдельных элементов локальной специфики.

Муж как “мой мужчина”: М-1

Наиболее частотной моделью, предположительно, является модель, называемая условно “мой мужчина”, к которой могут быть также отнесены лексемы-ярлыки — человек, самец (как антропо-, так и зооним). Назовем условно эту модель — М-1.

Обилие реализаций, частотность и постоянная обновляемость (ср. украинский *чоловік* — при ОС *муж*), как кажется, должны логически привести к идее архаизма модели. Но в таком случае формирование самого понятия и его номинация должны быть плодом речевой деятельности ЭГО, т.е. женщины, которая выделяет среди окружающих некоего определенного мужчину и связывает с ним свою дальнейшую жизнь (“мой мужчина, человек”). Либо — этим лицом является сам мужчина, который на лексическом уровне заявляет некие эксклюзивные права на определенную женщину (“твой мужчина, человек”). Либо — это микросоциум, который на речевом уровне закрепляет за определенной парой определенные отношения, причем возникающая при этом колексификация неизбежно вводит в качестве обязательного элемента употребление посессора (“ее мужчина, человек”) иногда выраженного нулем. В любом случае стратегия номинации в качестве отправной точки имеет женщину.

База CLICS дает 56 колексификаций *man* — *husband* (DatSemShift # 0933 — 139¹⁰), 23 — *male* —

⁹ Близкий по методике исследования и классификации материала анализ обозначений мужа, супруга был проведен коллективом авторов (см. [24]), которые выделяют: «следующие основные стратегии для обозначения понятия “муж”: 1) перенос значения типа “физическая сфера (пол) → социальная сфера (приобретенное родство)”: мужчина → муж; 2) перенос значения типа “физическая сфера (пол и возраст) → социальная сфера (приобретенное родство)”: старик → муж; 3) перенос значения типа “социальная сфера (дружеское общение) → социальная сфера (приобретенное родство)”: друг, товарищ → муж». В нашем исследовании значительно расширена зона дистрибуции материала, что вызвало и потребность в выделении других моделей. Однако в целом, безусловно, общая тенденция была авторами намечена верно.

¹⁰ Дата обращения 24.08.2023, в базе присутствует значительное число реализаций, не относящихся к языкам Евразии. В то же время, еще не учтены балтийские данные, несомненно реализующие этот же переход: ср. лит. *vyras* ‘мужчина, муж’, при латышск. *vīrietis* ‘мужчина’ и *vīrs* ‘муж’ (ср. русск.: муж — муж-чина).

husband (DatSemShift # 8256 — 1 реализация), 3 — *person* — *husband* (DatSemShift # 5020 — 3, не совпадающие по реализациям)¹¹. Более детальное обращение к представленным реализациям выявляет их известную противоречивость, в основном в зоне семантического перехода *person* — *man* — *husband*, не всегда учитывающую данные диахронии. Так, представленное в базе рум. *om* (как и не представленное франц. диал. *homme* и под. со значением ‘муж, супруг’) является продолжением лат. *homo* ‘человек’, получившим значение ‘мужчина’ в результате утраты в народной латыни лексемы *vir* ‘мужчина, муж, воин’, сохранявшейся еще в IV–V вв. Аналогичный переход имел место и в германских языках, так же утративших продолжения и.-е. **wiro-* ‘мужчина’ и так же заменивших их лексемой со значением ‘человек’ — **mannz* [14, с. 260]. Поэтому говорить о реализации перехода *person* — *husband* в этих случаях мы можем только на синхронном уровне, осознаваемом современным носителем, более того — мы не можем, говоря строго, быть уверены в том, какое из значений ‘человек’ или ‘мужчина’ реализуется в данных употреблениях. В то же время, наличие семантики ‘муж, супруг’ у лексемы с исходным значением ‘человек’ в языках, сохраняющих данное различие, представляет собой иной случай, возможно, заслуживающий особой интерпретации, как, например, брет. *den (ma den* ‘мой муж’, букв. ‘мой человек’)¹². Для языка ирландского, в котором также существует оппозиция ‘человек’ (*duine*) — ‘мужчина’ (*fear*), данное употребление не фиксируется и сочетание *mo dhuine* может означать лишь человека, о котором говорящий упоминал ранее, при допустимом *m’fhear* ‘мой муж’ (букв. ‘мой мужчина’).

В ряде случаев обозначение мужа как “моего / твоего человека, мужчины” может сосуществовать и конкурировать с другими стратегиями номинации. Так, базовым для древнескандинавского обозначения мужа принято считать *bóndi*, которое само по себе, кроме значения “владелец земли, крестьянин, хозяин дома и скота”, имеет также семантику — “муж”, однако это значение авторы выделяют в качестве второго, при первом — “хозяин дома” (см. [25, с. 74]). В контексте, предполагающем реализацию именно значения

¹¹ В нашу задачу не входит критика представленных баз семантических переходов, которые при всей неполноте, отчасти — противоречивости и несомненной субъективной преференции языкового материала представляют богатый материал для анализа и несомненно демонстрируют общие тенденции семантического развития.

¹² Бретонские данные см в онлайн-словаре — DEVRI — <http://www.devri.bzh/>

М-1, в древнеисландском, как и в других скандинавских языках, употребляются продолжения общегерманского **mannz* ‘человек, мужчина’, сохранившиеся и в современных скандинавских языках (см. выше), но в качестве альтернативных (см. ниже). Ср. интересный пример из саги “О людях из Лососьей долины”:

Pá mælti Bolli: “Muntu segja mér það móðir að mér er forvitni á að vita? Hverjum hefir þú *manni* mest unnt?” (Laxdoela saga — см. <https://www.gutenberg.org/ebooks/17803>) — “Тут Болли сказал: — Не скажешь ли ты мне, мать, то, что я бы очень хотел знать, — кого из твоих *мужей* ты любила более всего?”¹³.

Согласно сюжету саги, героиня, имевшая несколько законных мужей, на самом деле всю жизнь любила человека, с которым не состояла в браке, что понятно адресату текста и что подготавливает ее сын.

В качестве нормативного и основного обозначение мужа, супруга как ‘мужчины, человека’ распространено на карте Евразии необычайно широко, и, будучи скорее базовой, данная модель вряд ли нуждается в специальных комментариях. См., например, данные уральских языков:

финнск.: *mies* ‘1) мужчина; 2) муж, супруг; 3) человек (о мужчине)’ [26, с. 376]; эст.: *tees* ‘мужчина, мужик; человек; муж, мужик; человек, муж’ [27, с. 116–117]; вепсск.: *tužik* ‘1. мужик, мужчина; 2. муж, супруг’ [28, с. 341]; луговой марийский: *марий* ‘1) мари, мариец (самоназвание народа); марийский; 2) муж, мужчина’ [29, с. 185]; коми: *мужик* ‘1) мужик; 2) мужчина; 3) муж’ [30, с. 432]; северномансийский: *õika* ‘1) мужчина, 2) муж’ [31, с. 82]; восточно-хантыйский: *қи* (вах-васюганское наречие; салымский диалект); *қо* (сургутское наречие) ‘1. мужчина, мужик, муж; 2. самец’ [32, с. 187]; казымский хантыйский: *ики* ‘мужчина, муж’ [33, с. 70]; тундровый ненецкий *хасава* ‘1) мужчина; 2) (в лично-притяжательных формах) муж; 3) (восточный говор) ненец (самоназвание)’ [34, с. 755]; нганасанский: *куодюму* ‘1) мужчина; 2) муж’ [35, с. 75].

В двух языках (луговой марийский и тундровый ненецкий) отмечена тройная колексификация ‘мужчина / муж / самоназвание народности’.

Интереснее в данном случае некоторые нетрадиционные обозначения мужа, которые, как нам кажется, также могут быть отнесены к данной модели.

Так, отчасти неординарным обозначением мужа является брет. *gwaz*, восходящее к франц.

vassal ‘слуга, вассал’, которое, с одной стороны, имеет параллель в языке курух (драв. *alas* ‘слуга, дружинник’, см. DatSemShift # 4804), но с другой, может явиться результатом вторичного развития семантического перехода “слуга” — “человек”. В то же время, семантикой ‘вассал’ обладало и др. ирл. *céle* ‘дружинник, товарищ, друг, слуга’, давшее в новоирл. значение ‘супруг, супруга’ (в сочетаниях *fear céle* — *bean chéle*, см. [36, с. 183]) и реализующее таким образом другую деривативную модель (условно — М-3, о чем — ниже). Предположительно по этой же модели образовано и стар. франц. *baron* ‘воин, знатный человек; мужчина, муж, супруг’ (см. [37, с. 56]), восходящее к народнолат. *baro*, германскому заимствованию с изначальной семантикой ‘воин’ (ср. др.исл. *berjask* ‘битва, сражение’), распространенному для обозначения мужчины (взамен постепенно вытесняемого *vir*) в Галлии и на Британских островах в период Поздней Империи [38, с. 415–416]. Семантика *baro* однозначно реконструируется на основе дошедших до нас табличек с проклятиями против воров: оно употребляется в формуле номинации неизвестного вора: “будь то раб или свободный, женщина или мужчина” (*si mulier si baro* [39, с. 165 et ff.]). Таким образом, “воин” при предположительно существующих лично-притяжательных формах превращается в “мужчину”, а затем — в “мужа, супруга”.

Однако и здесь все не так просто. Группа слов с общим значением ‘воин, герой, рыцарь и под.’ имеет также статусный характер, что реализуется и в окказиональных словоупотреблениях. Ср. русск. шутол. *твой генерал*, употребляемое по отношению к супругу адресата. Ср. также сцену, свидетелем которой был один из авторов статьи.

На поминках, собравших значительное число человек — друзей умершего, М. (72 года) постоянно говорила о своем отсутствующем муже (близком друге умершего), называя его “мой князь”. Это обозначение, как и сама стратегия номинации (элевация объекта речи) были хорошо понятны и, видимо, знакомы узкому кругу лиц. Однако неожиданный вопрос одного из присутствующих, не входившего в этот круг, — “Простите, а кого вы имеете в виду?” — продемонстрировал окказиональность и некоторую неуместность данного употребления “для широкой публики” (см. выше “дед”).

В качестве предварительных выводов отметим:

1. Муж, образованный по модели М-1 не может быть мужем, так сказать, сам по себе, без учета ЭГО, которым является его жена.

¹³ Перевод В.Г. Адмони и Т.И. Сильман.

2. Реализация модели теоретически может включать в себя не только номинации, имеющие в качестве исходной семантику 'мужчина, человек, воин', но и любое слово, обозначающее лицо мужского пола. Для сохранения данного употребления в языке необходим стойкий узус. Ср., например, в базе DatSemShift переход # 4806 *beloved* → *husband*, представленный пока только дравидийскими реализациями. Но возлюбленный не может быть возлюбленным сам по себе, и данная номинация неизбежно предполагает актора.
3. Выбор опорной лексемы для обозначения мужа предстает, однако, как статусно обусловленный, что вызывает проницаемость семантического поля и сближает модель М-1 с моделью М-2 (о чем — см. в нашей следующей статье).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с франц. М.: Издательская группа "Прогресс", 1995.
2. Szemerényi O. Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with Special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin: Acta Iranica 16. Leiden, 1977.
3. Бурыкин А.А., Попов В.А. Описательные термины свойства в русском языке XVIII — начала XXI в. 2009. [Электронный ресурс]. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-242-5/>
4. Hettrich H. Indo-European Kinship Terminology in Linguistics and Anthropology // Anthropological Linguistics. 1985, Vol. 27, No. 4, pp. 453–480.
5. Занадворова А.В. Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт русского языка, 2001.
6. Качинская И.Б. Номинация отца в архангельских говорах // Севернорусские говоры—16. СПб., 2017. С. 153–170.
7. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018.
8. Dictionnaire des synonymes et contraires. Larousse — <https://www.larousse.fr/dictionnaires>
9. Gwynn J.P.L. A Telugu-English dictionary. Delhi; New York: Oxford University Press, 1991. (2006 updated).
10. Brown Ch.Ph. A Telugu-English dictionary. New ed., thoroughly rev. and brought up to date. Madras: Promoting Christian Knowledge, 1903.
11. Monier-Williams M., Leumann E., Cappeller C. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. Oxford: Clarendon Press, 1899.
12. Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon dictionary. Oxford: Clarendon Press. With a Supplement by T.N. Toller (1921) and an Addendum by A. Campbell, 1972.
13. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. München: Francke Verlag, 1959.
14. Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003.
15. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1957.
16. Рыкин П.О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (31). С. 80–91.
17. Трубаев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: URSS, 2006.
18. Kullanda S. Indo-European 'Kinship Terms' Revisited // Current Anthropology. Vol. 43, No. 1, February 2002, pp. 89–111.
19. Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: к постановке проблемы // Советская этнография. 1981. № 6. С. 89–97.
20. Mallory J.P., Adams D.Q. Encyclopedia of Indo-European Culture. London: Fitzroy Dearborn, 1997.
21. Read D. A New Approach to Forming a Typology of Kinship Terminology Systems. From Morgan and Murdock to the Present // Structure & Dynamics: eJournal of Anthropological and Related Sciences, 2013, vol. 6, # 1 — eScholarship.org (<https://doi.org/10.5070/SD961017982>)
22. Rzymiski Ch. and Tresoldi T. et al. 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: <https://clics.clld.org>
23. Zalizniak Anna A. et al. 2002–2023. — Электронная база DatSemShift, URL: <https://datsemshift.ru>
24. Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Казакевич О.А., Буркова С.И., Будянская Е.М., Муравьев Н.А., Коряков Ю.Б. Понятие "муж" и его отражение в диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 2: Филология. С. 74–85.
25. Cleasby R. An Icelandic — English Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1957.
26. Вахрос И., Шербаков А. Большой финско-русский словарь. М.: Живой язык, 2007.

27. EVS 3 – Eesti-vene sõnaraamat 3 / toimetanud: Anne Romet (vastutav toimetaja), Nelli Melts (vastutav toimetaja), Tiia Valdre. Tallinn: Eesti keele sihtasutus, 2003.
28. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.
29. Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1991.
30. КРС – Коми-русский словарь / под ред. В.И. Лыткина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
31. Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. Л.: Просвещение, 1982.
32. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.
33. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО “ФОРМАТ”, 2014.
34. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
35. Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: филиал изд-ва “Просвещение”, 2001.
36. Dinneen P.S. Foclóir Gaedhilge agus Béarla. An Irish-English Dictionary. Dublin: Irish Texts Society, 1927.
37. Grandsaigne d'Hauterive R. Dictionnaire d'ancien français. Moyen Age et Renaissance. Paris: Librairie Larousse, 1947.
38. Adams J.N. An Anthology of informal Latin, 200 BC – AD 900: fifty texts with translations and linguistic commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
39. Tomlin R.S.O. The Curse Tablets // The Temple of Sulis Minerva at Bath. Vol. 2: The Finds from the Sacred Spring. Ed. B. Cunliffe, Oxford, Oxford University Committee for Archeology, Mon. № 16, 1988.
40. RAN [Electronic Library of the Museum of Anthropology and Ethnology by the name of Peter the Great (Kunstkamera)]. <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/978-5-88431-242-5/> (In Russ.)
41. Hettrich, H. Indo-European Kinship Terminology in Linguistics and Anthropology. *Anthropological Linguistics*. 1985, Vol. 27, No. 4, pp. 453–480.
42. Zanadvorova, A.V. *Funkcionirovanie russkogo jazyka v makih socialnyh gruppah (rechevoe obtshenie v semie)* [Functioning of the Russian Language in Minor Social Groups (Family Verbal Communication)]. *Dis. kand. filol. nauk* [PhD Thesis]. Moscow, Institute of Russian Language, 2001. (In Russ.)
43. Kachinskaya, I.B. *Nominacia otca v arhangel'skikh govorah* [Father Nomination in Archangel'sk Dialects]. *Severnorusskie govory – 16* [North Russian Dialects – 16]. St. Petersburg, 2017, pp. 153–170. (In Russ.)
44. Kachinskaya, I.B. *Terminy rodstva i jazykovaja kartina mira (po materialam arhangel'skikh govorov)* [Kinship Terminology and the World Picture]. Moscow, Indrik Publ., 2018. (In Russ.)
45. Dictionnaire des synonymes et contraires. Larousse – <https://www.larousse.fr/dictionnaires>
46. Gwynn, J.P.L. A Telugu-English dictionary. Delhi, New York, Oxford University Press, 1991. (2006 updated).
47. Brown, Ch.Ph. A Telugu-English dictionary. New ed., thoroughly rev. and brought up to date. Madras, Promoting Christian Knowledge, 1903.
48. Monier-Williams, M., Leumann, E. Cappeller, C. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. Oxford, Clarendon Press, 1899.
49. Bosworth, J., & Toller, T.N. (1882–1898). An Anglo-Saxon dictionary. Oxford, Clarendon Press. With a Supplement by T.N. Toller (1921) and an Addendum by A. Campbell, 1972.
50. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. München: Francke Verlag, 1959.
51. Orel, V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden, Brill, 2003.
52. Kluge, Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1957.
53. Rykin, P.O. *Semanticheskij analiz terminov rodstva i svojstva v sredne-mongolskom jazike* [Semantic Analysis of Kinship Terminology in Middle-Mongolian]. *Voprosy Filologii. Uralo-altajskie issledovania* [Problems of Philology. Uralo-Altaic Studies]. 2009, No. 1, pp. 80–91. (In Russ.)
54. Trubachev, O.N. *Istoria slavjanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevnejshih terminov omshestvennogo stroja* [History of Slavic Kinship Terminology and of Some Archaic Social Terms]. Moscow, URSS Publ., 2006. (In Russ.)

REFERENCES

1. Benveniste, E. *Slovar Indo-Evropejskikh Socialnih Terminov* [Indo-European Language and Society]. Moscow, Progress Publications, 1995. (In Russ.)
2. Szemerényi, O. Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with Special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin: *Acta Iranica* 16. Leiden, 1977.
3. Burykin, A.A., Popov, V.A. *Opisatelnye terminy svojstva v russkom jazyke XVIII – nachala XXI v.* [Analytic Kinship Terminology in Russian Language from 18th to 21st Centuries]. *Elektronnaya biblioteka Muzeja antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera)*

18. Kullanda, S. Indo-European 'Kinship Terms' Revisited. *Current Anthropology*. Vol. 43, No. 1, February 2002, pp. 89–111.
19. Popov, V.A. *Polo-vosrastnaja stratificacia i vosrastnie klassy drevneakanskogo obsestva; k postanovke problemy* [Towards the Gender-age stratification and age-groups in Early Acan society]. *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnology]. 1981, No 6, pp. 89–97. (In Russ.)
20. Mallory, J.P., Adams, D.Q. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Fitzroy Dearborn, 1997.
21. Read, D. A New Approach to Forming a Typology of Kinship Terminology Systems. From Morgan and Murdock to the Present. *Structure & Dynamics: eJournal of Anthropological and Related Sciences*, 2013, vol. 6, # 1 – eScholarship.org (<https://doi.org/10.5070/SD961017982>)
22. Rzymiski, Ch., Tresoldi, T. et al. 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. URL: <https://clics.clld.org>
23. Zalizniak, A. et al. 2002–2023. *DatSemShift*, URL: <https://datsemshift.ru>
24. Koshkareva, N.B., Kashkin, E.V., Kazakevich, O.A., Burkova, S.I., Budyanskaya, E.M., Muravyov, N.A., Koryakov, Yu.B. *Ponoatie 'muš' i ego otrajenie v dialektologicheskom atlase uralskih jazykov, rasprostranennyh na territorii jamalo-neneckogo avtonomnogo okruga* [The Concept 'Husband' and Its Reflection in the Dialectological Atlas of Uralic Languages Spoken on the Territory of Yanalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Vestnik NGU. Seria istoria, filologija* [NGU Papers. Series: History and Philology]. 2017, Vol. 16, No. 2, pp. 74–85. (In Russ.)
25. Cleasby, R. *An Icelandic – English Dictionary*. Oxford, At the Clarendon Press, 1957.
26. Vahros, I., Tsherbakov, A. *Bolshoj finsko-russkij slovar* [A Great Finnish-English Dictionary]. Moscow, Living Language Publ., 2007. (In Russ.)
27. EVS 3 – Eesti-vene sõnaraamat 3. Toimetanud: Anne Romet (vastutav toimetaja), Nelli Melts (vastutav toimetaja), Tiia Valdre. Tallinn, Eesti keele sihtasutus, 2003.
28. Zajceva, M.I., Mullonen, M.I. *Slovar veppskogo jazyka* [Vaps Language Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
29. Vasiliev, V.M., Savatkova, A.A., Uchaev, Z.V. *Marijsko-russkij slovar* [Mari-Russian Dictionary]. Joshkar-Ola, Mari Publisher, 1991. (In Russ.)
30. *Komi-Russkij slovar* [Komi-Russian Dictionary]. Moscow, State Publisher of International and National Dictionaries, 1961. (In Russ.)
31. Rombandeeva, E.I., Kusakova, E.A. *Slovar mansijsko-russkij i russko-mansijskij* [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary]. Leningrad, Prosvetshenie Publ., 1982. (In Russ.)
32. Tereshkin, N.I. *Slovar vostochno-hantijskih dialektov* [Dictionary of East-Khanty Dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. (In Russ.)
33. Solovar, V.N. *Hantijsko-russkij slovar (Kasymskij dialekt)* [Khanty-Russian Dictionary (Kasym Dialect)]. Tumen, Format Publ., 2014. (In Russ.)
34. Teretshenko, N.M. *Nenecko-russkij slovar* [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1965. (In Russ.)
35. Kosterkina, N.T., Momde, A.Ch., Jdanova, T.J. *Slovar nganasansko-russkij i russko-nganasanskij* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan Dictionary]. St. Petersburg, Prosvetshenie Publ., 2001. (In Russ.)
36. Dinneen, P.S. *Foclóir Gaedhíle agus Béarla*. An Irish-English Dictionary. Dublin, Irish Texts Society, 1927.
37. Grandsaigne d'Hauterive R. *Dictionnaire d'ancien français. Moyen Age et Renaissance*. Paris, Librairie Larousse, 1947.
38. Adams, J.N. *An Anthology of informal Latin, 200 BC – AD 900: fifty texts with translations and linguistic commentary*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
39. Tomlin, R.S.O. *The Curse Tablets. The Temple of Sulis Minerva at Bath. Vol. 2: The Finds from the Sacred Spring*. Ed. B. Cunliffe, Oxford, Oxford University Committee for Archeology, Mon. № 16, 1988.

Дата поступления материала в редакцию: 6 сентября 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 сентября 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 октября 2023 г.
 Дата публикации: 31 декабря 2023 г.

Received by Editor on September 6, 2023
 Revised on September 25, 2023
 Accepted on October 15, 2023
 Date of publication: December 31, 2023